

Через несколько секунд Ли Сынхён наконец расплылся в улыбке.

— Спасибо, Син Ми.

— Мы оба должны стараться.

— Ты уверен, что он понял, что ты ему сказал? — Син Ми, выходя из тренировочной комнаты, столкнулся с Квон Джиёном, который стоял за дверью. На его вопрос Син Ми сморщил нос, подумав.

— Хотя этот парень иногда бывает глупым, но, думаю, он понял. — Он сказал ему сосредоточиться на танцах, не думать о другом, не колебаться. Своё послание Ли Сынхён, должно быть, понял.

Понял ли он? Син Ми был не совсем уверен. Может, ему следовало сказать больше? Кажется, он намеренно говорил слишком глубоко, хотел выглядеть крутым перед Ли Сынхёном!

Квон Джиён, наблюдая за явно отвлёкшимся Син Ми, постоял с минуту, скрестив руки, холодно хмыкнул и ушёл.

Оставшийся на месте Син Ми недоумённо моргнул. Он был озадачен внезапно появившейся мрачностью Квон Джиёна.

Что случилось?

В этот момент зазвонил мобильный телефон. Син Ми ответил:

— Да? Папа, что случилось?

Выслушав сказанное на том конце, Син Ми мгновенно побледнел. Тон Ёнбэ, только что вернувшийся из больницы после посещения бабушки, увидел это и подошёл:

— Что случилось?

Син Ми крепко схватил его за рукав, и Тон Ёнбэ почувствовал, как его глаза, стараясь сохранять спокойствие, всё же слегка дрожали. Когда Син Ми закончил говорить, Тон Ёнбэ слегка расширил глаза:

— Тогда тебе нужно срочно ехать!

— Но...

— Какие «но»?! Я скажу директору, ты быстрее отправляйся! — Тон Ёнбэ схватил Син Ми за плечи, сказал это серьёзно. Затем он наблюдал, как этот парень, не раздумывая, побежал из компании.

Оставшийся на месте Тон Ёнбэ закрыл глаза и молился, чтобы всё было в порядке.

— Твоя бабушка уже давно в больнице, но, зная, что ты сейчас готовишься к дебюту, она боялась тебя отвлечь и просила нас молчать. Но, Син Ми, сейчас, вернись и увидь свою бабушку. Она...

Руки, которые впервые в Корее коснулись его щёк, глаза, полные любви, растворяющие его тревогу, объятия, слегка дрожащие, будто боящиеся его напугать, — эта любящая его старушка сейчас лежала в больнице, ожидая, чтобы увидеть его в последний раз.

Нельзя плакать, нельзя паниковать. Син Ми изо всех сил бежал в больницу, ноги подкашивались, но он не мог остановиться.

В тот момент он почувствовал непреодолимую беспомощность. Как будто чья-то жестокая рука толкала его вперёд, несмотря на его желание.

Когда он добрался туда, Син Ми был весь в поту. Увидев в палате постаревшую фигуру, он почувствовал, как что-то глубоко внутри него разрывается.

Проходя мимо остальных, Син Ми слегка присел и взял руку старушки, наблюдая, как она, в кислородной маске, поворачивает глаза к нему, с трудом улыбаясь, с той же любовью, что никогда не менялась.

Слабый голос теперь звучал в ушах Син Ми с поразительной ясностью.

— Наш Ми, похудел...

— Энси бы расстроилась, но... наш Син Ми... старается ради омы...

— Да, я скоро дебютирую, совсем скоро.

— Это хорошо... наш Син Ми... самый лучший, правда? — С бесконечной любовью глядя на Син Ми, старушка изо всех сил пыталась улыбнуться, но наконец её рука постепенно потеряла силу в руках Син Ми.

— Прости, я покажу тебе и оме, я стану настоящим мужчиной. — Дрожащие губы твёрдо произнесли эти слова, крепко сжимая уже безжизненную руку, ту самую, что бесчисленное количество раз обнимала его вместо омы. Син Ми поднял уголки губ, и, если бы не его

покрасневшие глаза, можно было бы подумать, что он действительно ничего не понял.

Но в этот момент каждый мог почувствовать, как Син Ми в одно мгновение повзрослел. Даже если это будет сопровождаться мучительной болью.

Отец Чха, наблюдая за этим, закрыл глаза, повернулся и прикрыл рот рукой. Он знал, что его сын вырос в месте, куда он не мог заглянуть.

Син Ми больше не был тем ребёнком, о котором нужно было беспокоиться.

Похороны были простыми, как и просила старушка перед смертью. Отец Чха, обняв сына за плечи, сказал, что бабушка ушла спокойно, потому что увидела самого дорогого для неё ребёнка.

— Поэтому, сынок, ты тоже должен повзрослеть, ведь звёзд, смотрящих на тебя, стало ещё больше. — Глядя на покрасневшие глаза Син Ми и его сжатые в кулаки, слегка дрожащие руки, отец Чха не мог выразить свои чувства.

Он даже отчётливо помнил, как впервые увидел Син Ми. После авиакатастрофы, выживший благодаря тому, что его крепко обняли родители, Син Ми лежал в палате интенсивной терапии, его маленькое тело было опутано трубками, казалось, он вот-вот исчезнет. Это зрелище тронуло его и Энси.

Может быть, это было слишком впечатляюще, или, возможно, это было облегчение после катастрофы, но они действительно вложили столько сил в то, чтобы вырастить этого ребёнка. И наблюдать за тем, как Син Ми растёт беззаботным, было их величайшим счастьем.

После неожиданной смерти Энси, этот уже слишком чувствительный и хрупкий ребёнок получил слишком сильный удар, и отец Чха стал ещё более осторожным с ним, как и вся семья. К счастью, Син Ми наконец вышел из своего замкнутого мира и рос таким послушным, не став тем, кого он боялся.

Единственное, что его беспокоило, — это мечта Син Ми стать артистом. Отец Чха понял, что у этого ребёнка наконец появилось то, за что он готов бороться.

На этот раз он вдруг осознал, что его Син Ми уже стал подростком. Плечи ещё были узкими, но он держался прямо, его черты лица были совсем другими, но в них была та же решительность и упрямство, что когда-то были у Энси.

Это был их с Энси ребёнок. Даже без кровного родства, это был росток, который они вырастили с любовью. И в будущем он станет ещё более замечательным ребёнком. Отец Чха обнял сдерживающего слёзы Син Ми.

Но как бы то ни было, мой Син Ми — это ребёнок, о котором я больше всего беспокоюсь.

*

Вернувшийся Син Ми, под пристальными взглядами всех, без тени сомнения погрузился в тренировки.

Если что-то и изменилось, то, возможно, это был его больше не колеблющийся взгляд. Как росток, который, несмотря на сильный ветер, всё же пытается пробиться вверх, превратился в тонкое деревце, которое больше не качается, а твёрдо тянется вверх.

Просматривая запись, Ян Хёнсок улыбнулся перед всеми учителями. На этот раз он наконец обратил внимание на танцующего Син Ми.

Все услышали, как он сказал:

— Взгляд этого ребёнка сейчас просто великолепен, не так ли?

Как будто сняли грубую оболочку, обнажив гладкий, но острый цвет.

Это был именно тот Син Ми, который был нужен Viabang.

— Почему ты один? — Вернувшись после дела, Квон Джиён увидел, что в тренировочной комнате не хватает того самого ребёнка.

Чан Хёнсон подумал:

— Ты же только что сказал, что сегодняшняя тренировка закончилась, Тэсон-хён ушёл с Бо Хён, а Син Ми ушёл один. — Хотя он хотел пойти с Син Ми, но тот отказался.

— Я тоже пойду. — Квон Джиён, вспомнив о произошедшем за последние дни, взял куртку и, не раздумывая, решил догнать Син Ми.

Оставлять этого парня одного сейчас казалось не совсем правильным.

Этот ребёнок плачет без звука. Квон Джиён, прислонившись к стене в углу, слегка поднял голову. Ему совсем не хотелось узнавать об этом в такой ситуации.

Он выглянул и явно увидел, как сидящий на лестнице, уткнувшись в колени, парень дёргает плечами, но, кроме редких тяжёлых вдохов, он не слышал ни звука.

Этот парень вернулся с таким видом, будто ничего не случилось, а оказывается, он просто прячется и плачет? Судя по словам Ли Сынхёна, он вообще не показывал никаких эмоций перед ним. Стыдно? Детское самолюбие тоже довольно сильное, да?

Квон Джиён даже не знал, что он делает. Уже стемнело, скоро вернутся Ёнбэ и остальные, общежитие прямо наверху, а он стоит здесь, прячется, ноги уже затекли, как будто охраняет этого расстроенного ребёнка.

<http://bllate.org/book/15544/1382949>